

Улетная «Чайка» ГАСТРОЛИ ТЕАТРА-СТУДИИ ОЛЕГА ТАБАКОВА

Алла Шендерова

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

Чего только не делали с «Чайкой», чтобы превратить в актуальную пьесу. Какое-то время назад, скажем, у финна Кристиана Смедса Треплев остроумно рубил убитую птицу на кровавые бифштексы и кидал зрителям. А совсем недавно, в «Сатириконе», Юрий Бутусов сделал «Чайку», где было два Треплева, три Нины, сама постановка напоминала монолог о мировой душе — талантливых символов много, а стройности нет. Константин Богомолов, известный театральный мичуринец, прежде переселявший героев романа «Отцы и дети» на советские номенклатурные дачи, скрещивавший персонажей довлатовского «Заповедника» с героями кэрролловской «Алисы», привязал «Чайку» ко временам освоения космоса. То есть к хрущевской оттепели: действие начинается году в 58-м, а заканчивается после полета Гагарина — старый телевизор без конца транслирует рассказы первого космонавта. В писателе Тригорине можно заподозрить адепта соцреализма, а в Косте Треплев — будущего Даниэля или Синявского. Через пору оттепели, чем дальше, тем сильнее, проглядывает день сегодняшней. Потрескивающие пластинки с песнями Людмилы Зыкиной чередуются с «Часовыми любви» Окуджавы, лагерными песнями Галича в современном исполнении, а сам Треплев, взяв гитару, поет «Осень» Шевчука. Гостиная в усадьбе Сорина больше напоминает учительскую, по случаю летнего ремонта

набитую старой мебелью — столы с перевернутыми стульями, серые стены, казенный свет. Задней стены нет — комната кончается пугающим провалом. Стена с зарешеченным окном, делающая пространство еще более тесным, впервые спустится вместо занавеса в спектакле Треплева, а в финале будет ходить ходуном, словно дом вот-вот развалится. В прологе за сценой звонко орут школьники, словно колдовское озеро превратилось в детский пляж. Маша (Яна Сексте), хоть и пробует курить, кокетничая с учителем Медведенко (Алексей Комашко), все еще носит коричневое платье с передничком. Впрочем, по ходу действия все эти приметы места и времени, старые песни вперемежку с новыми, начинают казаться обычным капутником. «Скоро начнется спектакль!» — объявляет Маша зрителям, имея в виду опус Треплева, — зал в ответ радостно хохочет. Под бурные аплодисменты выходят Олег Табаков, Марина Зудина, Константин Хабенский. Все трое вступают в намеренно ироничные отношения со своими персонажами: доктор Дорн, то есть Олег Табаков, сперва даже, кажется, недоумевает, почему артист Хабенский (Тригорин) обнимает Марину Зудину (Аркадина). А зал веселится от души — так удачно чеховские реплики проецируются на биографии исполнителей. Когда Дорн, уязвленный замечанием Медведенко о своем якобы скопленном состоянии, бросает: «Денег? За тридцать лет практики... удалось

скопить только две тысячи», публика замирает, вспомнив о небезызвестном финансовом разбирательстве. На таком «капустном» фоне прочие артисты и их персонажи уходят в тень. Исключение — Сорин: Сергей Сосновский виртуозно играет маленького служащего, на пороге старости жадно навертывающего упущенную жизнь. Во время пьянки и танцев в «учительской» он вдруг впивается глазами в публику, спускается в зал и вытаскивает танцевать какую-то смущенную зрительницу. Не тушует и Нина Заречная — студентка 5-го курса РАТИ Яна Осипова играет дебютантку, всеми силами стремящуюся в мир успеха. А ее некоторое сходство с портретами молодой Ольги Книппер лишь добавляет затее скандальности: в четвертом акте Нина является к Косте, с ходу делает кокаинную дорожку, а после ложится на стол в призывной позе. Почему Костя отказывает ей в близости и лезет стреляться в платяной шкаф, можно трактовать по-разному. Дело в том, что к финалу критическая масса гэгов окончательно берет верх. Зал так настроен смеяться, что почти не реагирует на по-настоящему горький финал. Впрочем, может, режиссер того и хотел: он ставил спектакль не про времена оттепели, а про сегодняшний академический театр, в котором талантливому дебютанту только и остается что стреляться, задыхаясь среди пошлости и старых тряпок.

ТЮЗ, 12-13 февраля, 19.00